

«АТАМАН И С НИМ ДЕВА»: К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПУШКИНСКОГО СЮЖЕТОСЛОЖЕНИЯ

ТАТЬЯНА СТЕПАНИЩЕВА

Автор рассматривает поэму Пушкина «Братья разбойники» в новом контексте — его неоконченных замыслов начала 1820-х годов. Согласно предположению, развитому в настоящей статье, планы будущей поэмы о братьях-разбойниках имеют ряд значимых пересечений с замыслом «адской поэмы» и замыслом неопределенной жанровой природы «Влюбленный бес». Устойчивые персонажные и сюжетные схемы в творческом воображении Пушкина могли свободно сочетаться с разными тематическими или жанровыми рамками и долго сохранять творческий потенциал — хотя не всегда эти замыслы доходили до стадии реализации.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, «южные поэмы», «Братья разбойники», история замысла.

Tatiana Stepanishcheva. “Ataman and a girl with him”: Towards a Characterization of Pushkin’s Plot Construction

This article considers Pushkin’s poem *The Robber Brothers* in a new context — that of the unfinished concepts for the poem, which date to the beginning of the 1820s. It suggests that plans for the future poem about brother robbers intersects in many ways with concepts for the “Poem of Hell” and the generically ambiguous *A Beast in Love*. Set characters and plot trajectories could, in Pushkin’s creative imagination, freely blend with various metatextual or generic frameworks and long preserve their creative potential — although such ideas did not always come to be realized.

Keywords: Alexander Pushkin, romantic poems, “The Robber Brothers,” history of the text.

Одну из глав своей книги «Поэзия и перевод» (1963), «Поэтическое содержание», Е. Г. Эткинд начал с анализа вариантов пушкинского ответа на предложение дописать «Евгения Онегина» («Ты хочешь, мой наперсник строгий», «Ты мне советуешь, Плетнев любезный», «Вы за Онегина советуете, други» и «В мои осенние досуги»). В изложении их истории исследователь допустил существенные неточности: отнес все наброски к 1835 г., а фрагмент прозаического плана («Ты мне советуешь продолжать “Онегина”, уверяя меня, что я его не кончил») представил началом

пушкинского эпистолярного ответа П. А. Плетневу¹. Нас, однако, интересует не история ненаписанного послания², а более общие вопросы о творческом методе Пушкина, которые Эткинд ставит, разбирая движение его замысла.

По версии исследователя, стихи дались Пушкину не сразу. Он испробовал разные формы: онегинская строфа, октава, александрийский стих и опять онегинская строфа, — но так и не дописал стихотворение, оставив его в черновике. Эткинд отметил, что поэт, сохраняя «как будто одно и то же содержание», один «внешний сюжет» [Эткинд 1963: 14], при переходе к другой строфе или размеру полностью менял текст, так что между известными набросками не находится ни формульных, ни даже лексических пересечений. Из этих наблюдений Эткинд делает вывод о важности для Пушкина жанра, жанровых рамок (именно они определяли направление разработки поэтической темы и сюжета), и о связи формальных и содержательных компонентов. Незначительные на первый взгляд количественные изменения вели к качественной перестройке текста — то есть изменялось его «поэтическое содержание». Эти трансформации ставят перед исследователем следующие вопросы:

... почему Пушкин переходил от одного варианта к другому? Хотел ли он испробовать внутренние возможности разных строфических решений, или он хотел выразить иное содержание? «Сначала было дело» — или «сначала было слово»? [Там же: 17]

Нераздельность «формы» и «содержания» давно является аксиомой, однако следующие из нее и сформулированные Эткиндром вопросы не получили универсального решения. Ответы на них, кажется, чаще определяют исследовательскими интенциями, чем качествами объекта или материала исследования.

Не претендуя на их общее решение, мы бы хотели обратить внимание на случай несколько иного свойства, который, однако, можно сблизить с пушкинским экспериментом 1833–1835 гг. На наш взгляд, пересмотр творческих материалов, окружающих замысел поэмы «Братья разбойники», может выявить некоторые характеристики творческого метода молодого Пушкина — прежде всего, особенности складывания и трансформа-

¹ Хотя уже в 1959 г. вышел справочный том к академическому собранию Пушкина, в котором было указано, что эта фраза — не начало письма, а набросок плана к стихотворению «Ты мне советуешь, Плетнев любезный» [Пушкин 1937–1959: XVII, 76].

² Она основательно прослежена и описана Я. Л. Левкович в специальной статье «Наброски послания о продолжении “Евгения Онегина”» [Левкович 1974: 255–277].

ции сюжетных конструкций. И это, в конечном итоге, поможет ответить на вопросы, сформулированные Е. Г. Эткиндом. Недостаточное внимание к этим материалам, как представляется, было обусловлено особенностями известной нам поэмы о преступных братьях (1821–1822).

Поэма «Братья разбойники» относится к группе «южных» поэм, среди которых занимает, пожалуй, второстепенное положение. «Кавказский пленник» явился первым опытом романтической поэмы в духе Байрона и для автора, и для русской поэзии в целом — и потому привлекал большее внимание как читателей, так и исследователей; «Бахчисарайский фонтан» с его экзотикой и драматизмом снискал большую читательскую популярность; «Цыганы» не были особенно успешны у читателей, но интересовали исследователей — прежде всего как рубежная поэма, знак расставания с байроновскими поэтическими моделями. К тому же сам Пушкин назвал «Братев разбойников» «отрывком» и неоднократно указывал на «незавершенность» поэмы³. Хотя это было, скорее, приемом в духе новейшей романтической школы, а сожжение основного текста поэмы — частью авторской легенды, тем не менее, «незавершенность» стала частью репутации «Братев» и способствовала маргинализации поэмы.

Наконец, в исследовательском каноне (сложившемся в советскую эпоху) «Братья разбойники» трактовались как очередной этап пушкинского «движения к реализму» и «борьбы за народность в поэзии», что соответствующим образом определяло тематический репертуар исследований. Новый подход к трактовке поэмы обозначил О. А. Проскурин в книге «Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест», вышедшей в 1999 г. Проскурин предложил рассмотреть «Братев разбойников» — как и ряд других лирических и лиро-эпических произведений Пушкина начала 1820-х — как результат решения «разнообразных стилистических задач» [Проскурин 1999: 127]. В случае «Братев разбойников» такими задачами он признал выход «за пределы элегического стиля» и развитие «эпичности».

³ В черновике письма Н. И. Гнедичу 29 апреля 1822 г. Пушкин упомянул о возможности напечатать некий «отрывок»: «Есть у меня еще отрывок ст. 200. — Прислать мне вам его для физ.<?> наполн<ения> кн<сиги>» [Пушкин 1937–1959: XIII, 373]. Принято считать, что именно о «Братьях разбойниках» пишет Ек. Н. Орлова А. Н. Раевскому 8 декабря 1822 г.: «Пушкин послал брату Николаю отрывок поэмы, которую он не думает ни печатать, ни кончать. Это странный замысел, отзывающийся, как мне кажется, чтением Байрона. — Его дали Муравьевым, которые привезут его к тебе» [Летопись: I, 306–307]. Наконец, 13 июня 1823 г. Пушкин предложил «Братев разбойников» издателю «Полярной звезды» А. Бестужеву: «... разбойников я сжег — и поделом. Один отрывок уцелел в руках Николая Раевского, если отечественные звуки: харчевня, кнут, острог — не испугают нежных ушей читательниц Пол. Зв., то напечатай его» [Письма 1926: I, 51].

Как показал исследователь, Пушкин в этой маленькой поэме заимствовал «приемы повествовательности» у старших современников, прежде всего, у К. Н. Батюшкова, из его «произведений военно-героической тематики» — посланий начала 1810-х гг., а также у В. А. Жуковского, из его батально-лирических опытов того же периода. При этом заимствование приемов и мотивов сопровождалось у Пушкина «подчеркнутой ценностной инверсией описываемых объектов» (вместо конвенциональных героев батюшковских посланий и «Певца во стане» в поэме были изображены разбойники, грабители и убийцы). Наряду с «военно-героическими» претекстами исследователь отметил балладные, которые Пушкин использовал также по контрастному принципу. Таким образом, «разбойничья поэма» приобретала характер стилистического эксперимента на грани пародии:

Дерзкий пушкинский эксперимент оказался тесно связан с общей экспериментальной установкой «Братьев разбойников». <...> Эффект от внедрения в эпос «низкого» материала и «низкой» лексики усугублялся тем, что само это внедрение осуществлялось на фоне и за счет почти пародического инвертирования «образцовых» произведений младшего карамзинизма [Проскурина 1999: 133].

Интерпретация «Братьев разбойников», представленная в книге О. А. Проскурина, чрезвычайно расширяет наши представления о месте поэмы в творческой эволюции Пушкина. Тем не менее, замечание исследователя, что поэма «на удивление мало исследован[а] в русском литературном контексте» [Там же: 127], остается релевантным. В настоящей статье мы хотели бы дополнить существующие трактовки⁴ наблюдениями над авторским контекстом, точнее — наметить вероятные пути складывания сюжета поэмы и его соотношение с поэтическими проектами Пушкина 1820-х гг.

Среди немногочисленных творческих материалов к «Братьям разбойникам» (беловой автограф поэмы не сохранился, черновые материалы очень отрывочны) находятся два плана, далеко отстоящие от известного ныне текста поэмы. Приводим их транскрипцию по академическому собранию:

Поэма.

Вечером девица плачет, подговаривает, [она пла<чет>] [р<азбойники>] <?> молодцы готовы отплыть; есаул — где-то наш атаман — — Они плывут и поют.....

⁴ Предыдущие подходы автора настоящей статьи к теме: [Степанищева 2008; Степанищева 2012; Степанищева 2014].

Под Астраханью, разбивают корабль купеческой; он берет себе [в] [н<аложницы>] другую — — та сходит с ума]⁵ [та] новая не любит и умирает — он пускается на все злод<ейства> [Товарищи] Есаул предает его —

I. разбойники, история двух братьев. —

II. Атаман и с ним дева; хлад его etc. — песнь на Волге —

III. Купеческое судно, дочь купца

IV. сходит с ума⁶ [Пушкин 1937–1959: IV, 372–373].

Основное место в планах занимает любовная коллизия (Атаман, Дева и Дочь купца), в первом варианте (он считается самым ранним наброском «разбойничьего» замысла) еще отсутствует ключевой для известного текста поэмы мотив братства. Существование двух вариантов плана, а также частично восстанавливаемая по наброскам и черновым фрагментам история поэмы свидетельствуют о высокой подвижности ее замысла на ранних стадиях.

Пушкин скоро отказался от разработки любовного сюжета в связи с разбойничьей темой. Любовный треугольник «герой и две контрастные героини» (Атаман — Дева — «новая», Дочь купца), по мнению ряда исследователей, был перенесен Пушкиным в другую обстановку и стал фабульной основой «Бахчисарайского фонтана» (см. суммирующее замечание в [Проскурин, Охотин 2007: 265] — со ссылками на предшественников), а появившаяся во втором варианте плана «история двух братьев» получила самостоятельное значение. В черновых набросках были испробованы разные стилевые регистры и размеры, в том числе четырехстопный амфибрахий, размер нескольких популярных баллад В. А. Жуковского и «Черной шали». Возможно, Пушкин подразумевал и до тех пор не оформившийся замысел «разбойничьей поэмы», когда сообщал Дельвигу в письме от 23 марта 1821 г., что закончил «Кавказского пленника» и «в голове бродят еще поэмы», но он не пишет, а «переваривает воспоминания» и надеется «набрать вскоре новые» [Пушкин 1937–1959: XIII, 26].

Действительно, из задуманных им в 1821–1823 годах поэм не все дошли до стадии реализации («Вадим», поэмы о гетеристах, о князе Мстиславе, об Актеоне и о Бове), поэтому «Братья разбойники» в этом ряду являются лишь предположением. Сохранившиеся фрагментарные черновики названных поэм, наброски в несколько строк или слов и даже рисунки

⁵ Слова «та сходит с ума» Пушкин сначала зачеркнул, но затем восстановил, обозначив восстановление пунктирным подчеркиванием.

⁶ Планы находятся в рабочей тетради ПД 831 («Первая кишиневская»), соответственно, л. 62 об. и л. 46, согласно современной нотации.

в рабочих тетрадах дают материал для контекстуального анализа «разбойничьей поэмы». С ней исследователи связывают также два отрывка, сохранившиеся от замыслов неопределенной жанровой природы — «На тихих берегах Москвы...» и «Вечерня отошла давно...» (см. о них [Лобанова 1993; Фомичев 1996а; Фомичев 1996б]). Изучение рабочих тетрадей и других творческих документов позволяет выдвинуть дополнительные предположения о месте «разбойничьей» поэмы среди замыслов Пушкина южного периода. В их формулировке мы будем опираться на уже устоявшиеся характеристики пушкинских методов литературной работы: они предполагали широкое варьирование сюжетных и стилевых решений в рамках одного замысла (сошлемся здесь на приведенные в начале статьи суждения Е. Г. Эткинда), а также «миграцию» мотивов и сюжетных ходов из нереализованных или оставленных замыслов в новые. Последнее, например, отметила Т. А. Китанина в статье о замысле поэмы «Вадим», который соседствует у Пушкина с замыслом драмы на ту же тему, оспаривая исследователя, который считал нецелесообразным их разведение:

... приведенные в доказательство этой точки зрения «соответствия» между двумя планами не выходят за рамки некоторой первоначальной сюжетной канвы. Использование же элементов одного нереализованного замысла при переходе к другому — не редкость в творчестве Пушкина (ср., например, использование «Истории села Горюхина» в работе над «Повестями Белкина») [Китанина 2009: 238].

В Первой кишиневской тетради с набросками к «Братьям разбойникам» близко соседствуют несколько рисунков и черновой набросок «[Вдали тех пропастей глубоких]...» — ПД 831, лл. 49 об.–50 об.; один «разбойничий» план находится на л. 46, стихотворные наброски, «Молдавская» песня» и «Нас было двое, брат и я» — на лл. 51 и 52–52 об., другой план — на л. 62 об. Еще П. В. Анненков определил «[Вдали тех пропастей глубоких]...» как осколок не реализованного впоследствии замысла «адской поэмы» и выдвинул свою версию ее содержания (без ссылок на документы). Сюжет «адской поэмы», возможные варианты его развертывания, связь текстового фрагмента с рисунками до сих пор остаются дискуссионными (сводку мнений см.: [Рак 2009; Кардаш 2009а]). С этим замыслом Пушкина, возможно, связан также нереализованный замысел неопределенной жанровой природы, отразившийся, в конечном итоге, в устном рассказе Пушкина, который лег в основу повести Вл. Титова «Уединенный домик на Васильевском», и получивший в исследовательской традиции название «Влюбленный бес». Как набросок сюжета о «Влюбленном бесе» тракту-

ется прозаический план «[Москва в 1811 году]...» (ПД 267; [Пушкин 1937–1959: VIII, 429]), возможно, составленный тогда же в Кишиневе, между 1821 и 1823 гг.:

Москва в 1811 году —

Старуха, две дочери, одна невинная, другая романическая — два приятеля к ним ходят. Один развратный; другой В.<любленный> б.<ес>. В.<любленный> б.<ес> любит меньшую и хочет погубить молодого человека — Он достает ему деньги, водит его повсюду — [бордель]. Наст.<асья> — вдова ч.<ертовка> <?> Ночь. Извозчик. Молод.<ой> чел.<ек>. Ссорится с ним — старшая дочь сходит с ума от любви к В.<любленному> б.<есу>.

Генетическое сближение этого замысла и замысла «адской поэмы» остается догадкой и не исключает других интерпретаций; тем более, что точно датировать план, записанный на отдельном листке, не представляется возможным: он может быть отнесен и ко второй половине 1820-х гг. (суммирующее изложение споров см.: [Кардаш 2009а: 267–268]). Тем не менее, соседство материалов, или, как назвал их П. В. Анненков, творческих «проб», с набросками «разбойничьей поэмы» — хронологическое⁷ и «топологическое» (т. е. соседство в рабочих тетрадах) — позволяет искать между ними смысловые связи.

Замысел о «Влюбленном бесе» неоднократно становился объектом внимания исследователей, в том числе — в целях выявления «пушкинского» слоя в «Уединенном домике на Васильевском». История этих реконструкций довольно обширна, позволим себе ограничиться апелляцией лишь к важным для настоящего сюжета работам.

Новый толчок интерпретациям дала Т. Г. Цявловская, решительно связавшая набросок «[Вдали тех пропастей глубоких]...», рисунки в Первой кишиневской тетради и план «Москва в 1811 году» — как ступени подготовки «романтической поэмы “Влюбленный бес”» [Цявловская: 105]. Ее выкладки в частности оспорил Н. В. Измайлов, редактор того выпуска «Пушкин: Исследования и материалы», в котором была опубликована статья Цявловской. Он не согласился с трактовкой поэмы как «романтической», «лирико-героической»⁸. На более общих основаниях отверг трак-

⁷ О более поздней датировке плана «Влюбленного беса» в связи с «Братьями разбойниками» будет сказано ниже; пока мы будем исходить из ранней — т. е. 1821–1823 гг.

⁸ Приведем полностью его примечание:

Вполне принимая положение автора о связи рисунков и соседствующих с ними текстов с замыслом «Влюбленного беса», мы сомневаемся, однако, в правильности определения замысла как романтической (т. е. лирико-героической) поэмы. Судя по характеру рисунков, по смыслу и стилю набросков текста, это мог быть замысел сатирической поэмы, связанный

товку исследовательницы М. П. Алексеев, указав, что ее статья «заключает в себе множество недоказуемых догадок, нуждающихся в подтверждении или полном пересмотре» [Алексеев 1979: 31]. Л. С. Осповат пересмотрел версии предшественников в специальной статье «“Влюбленный бес”: Замысел и его трансформация в творчестве Пушкина 1821–1831 гг.» и выдвинул собственную — согласно которой пушкинский замысел «на первых порах имел куда более аморфный характер» и представлял собой «конгломерат замыслов общего происхождения» [Осповат 1986: 177–178]. Как нам представляется, в ряде мотивов и деталей планы «разбойничьей поэмы» и итоговый текст «Братьев разбойников» обнаруживают близость к этому «конгломерату».

Разумеется, сопоставление нереализованных планов и черновых фрагментов неопределенного жанрового статуса может служить основанием только для осторожных гипотез. Однако материалом для сопоставления станут именно пушкинские наброски, а не их исследовательские интерпретации — что в наших глазах придает такому основанию хотя бы относительную устойчивость.

Центральной коллизией в обоих известных планах к поэме является любовный треугольник, в первом из них осложненный включением второго героя (Есаула). В «бесовском» плане конфигурация сложнее: два героя и две героини; хотя включенность «развратного» героя в любовные отношения не подчеркнута (см., напр., изложение содержания плана в [Кардаш 2009а]). Несмотря на различия, можно заметить подобие любовного треугольника в планах к поэме (Атаман, Дева и Дочь купца) и намеченной коллизии в «бесовском» плане: *Влюбленный бес* и две дочери вдовы, *невинная* и *романическая*. Сходство, на наш взгляд, состоит в том, что герой, влюбленный в одну героиню и любимый другой, становится причиной безумия и гибели этой последней. Так как из «Братьев разбойников» любовный сюжет «мигрировал» в поэму о фонтане Бахчисарая, стоит отметить сходство персонажной композиции и сюжетных мотивов с замыслом «Влюбленного беса» и в этой поэме.

Герой и героини во всех упомянутых планах принадлежат разным мирам: *Влюбленный бес* и Атаман — изгои, преступники, нарушающие или вовсе отрицающие человеческие законы; героиня, объект его страсти, должна отречься от нормальной (нормативной) жизни, перейти в чужое,

в какой-то мере с «Гаврииладой»; самый термин «бес» (а не «демон») указывает скорее на ироническую, чем на лирико-героическую трактовку сюжета. — Ред. [Цявловская 1960: 105].

губительное для нее пространство. Первая возлюбленная героя, та, что уже предалась ему, обречена на гибель. Эта ситуация типична для байроновской поэмы, которую Пушкин к тому времени уже знал (хотя преимущественно не по оригиналам, а по французским пересказам) и пытался конструировать на доступном материале. Определенные сходжения «Братьев разбойников» с поэмами Дж. Байрона «Корсар» и «Гяур» уже были отмечены; в частности, считается, что именно из «Корсара» пришла вторая героиня, *соперница*, — однако здесь нас интересует не происхождение персонажей и мотивов (довольно сложное и полигенетическое), но их использование в разных, более или менее синхронных, замыслах — то, что М. А. Гофман назвал «передвижением творческого материала» [Гофман 1928: 114]. Кроме того, заметим, что *вторая героиня*, безнадежно любимая героем — объектом страсти *первой*, уже была явлена в «Кавказском пленнике», хотя *in absentia*. Определенное сходство можно отметить и в трансформации героинь (насколько о ней можно судить по планам): считающаяся пушкинской новацией в «Кавказском пленнике» «романтическое отчуждение» Черкешенки, судя по планам, ожидало и Деву — покинутую возлюбленную Атамана.

Отношения пары мужских персонажей могут быть, кажется, сопоставлены лишь по контрасту: если Влюбленный бес стремится погубить «развратного» приятеля, то в первом плане «разбойничьей поэмы» не Атаман (старший, основной герой) губит Есаула (младшего, ведомого), а наоборот. В известном тексте поэмы отношения братьев все-таки могут быть сопоставлены с отношениями Беса и его приятеля: как первый губит и вводит в грех второго, так старший брат губит младшего, «сманив» его «в дремучий лес» и «научив убийству». Описание разбойничьих подвигов братьев обнаруживает параллели с времяпрепровождением Влюбленного беса и его приятеля: ночные поездки, увеселения, «пиры» и «харчевня» с «красными девушками» — ср.: «Он достает ему деньги, водит его повсюду — [бордель]».

Сближение отрывка «[Вдали тех пропастей глубоких]...», т. е. предполагаемого начала «адской поэмы», и зачина БР возможно на самых общих основаниях (описательная экспозиция, неконвенциональная экзотика обиталища грешников/преступников, которая должна служить фоном для дальнейшего повествования). Здесь следует учесть, что описание разбойничьего лагеря было создано позднее остального известного текста поэмы (от начала осени до конца 1821 г. — основной известный текст, во второй половине апреля или начале мая 1822 — вступление; в Петербурге

текст поэмы распространялся сначала без сцены в разбойничьем лагере). Таким образом, зачин «адской поэмы» непосредственно предшествовал началу работы над основным текстом «Братьев разбойников» (по положению в тетради он датируется 1821 г., «после 24 августа» [Пушкинская энциклопедия: 251], а имеющее с ним мотивно-композиционное сходство вступление к «Братьям...» было написано после (это не устанавливает генетической связи между ними, однако можно говорить о варьировании или отражении)).

Наконец, главные действующие лица в обоих замыслах (Влюбленный бес, Атаман) представляют собой варианты иконического «байроновского» героя — демонического изгоя, который пытается спастись через любовь, но становится виновником безумия влюбленной женщины, переживает повторное «отчуждение» и крушение. Однако сложившийся в итоге сюжет поэмы лишился любовной линии, и отчуждение старшего из братьев-разбойников получило мотивировку смертью не возлюбленной, а младшего брата. Ему же в окончательном тексте поэмы переданы мотивы безумия и смерти, в первом наброске плана связанные с разными героинями. Замена персонажа при сохранении сюжетной функции отразилась на стилистике и фразеологии соответствующих фрагментов. Как нам представляется, сокращение любовной линии в «Братях разбойниках» можно объяснить складыванием замысла поэмы о «фонтане слез», т. е. обособлением любовного сюжета в восточном антураже. Однако некоторые его мотивы сохранились внутри «разбойничьей поэмы» в свернутом виде — в образе младшего брата, невольной жертвы любящего покровителя/наставника, который принудил его к переходу в мир инвертированных ценностей и тем самым погубил (как в первоначальном замысле Атаман губил Деву и Дочь купца).

Очень соблазнительно включить в сопоставление «Уединенный домик на Васильевском» — так как в повести развита тема *братства* (ложного) Павла и Варфоломея (см., напр., статью И. П. Смирнова, где проведены параллели между пушкинским рассказом и «Повестью о Савве Грудцыне», точнее — с мотивно близкими ей чулковскими повестями, по-новому трактуемыми формулы волшебной сказки [Смирнов 1979]). Это значительно усилило бы связь. Однако, подобно Вере из «Уединенного домика», мы должны отвергнуть соблазн, так как принадлежность этих формул и мотивов Пушкину недоказуема (согласно заключению В. В. Виноградова, Титов «лишь частично, в очень упрощенном и романтически формализованном виде, использовал общую сюжетную схему пушкинского “влюбленного беса”, а также некоторые ее детали» [Виноградов 1982: 146]).

Таким образом, между двумя планами «разбойничьей поэмы», из которых лишь один был частично реализован, наброском зачина «адской поэмы» и планом к нереализованному замыслу неясной жанровой принадлежности «Влюбленный бес» могут быть обнаружены, на наш взгляд, довольно внятные параллели. Что из этого следует?

Выше мы указали, что нас не будут интересовать источники сюжетов и мотивов, при том, что они с большей или меньшей полнотой выявлены для всех упомянутых замыслов и набросков. В планах будущей поэмы о братьях-разбойниках отчетливее всего заметны песенно-фольклорные мотивы (разбойничьи песни, песни о Степане Разине, вообще «удалые» песни), в самой поэме о братьях-разбойниках сложным образом гибридованы ключевые мотивы «байронической» поэмы и (в инвертированном виде) стилевые приемы военно-патриотических посланий и гимнов, балладные же мотивы и элегические формулы намеренно замаскированы бросающимися в глаза точечными вкраплениями «низкой», простонародной лексики (ср. в письме Пушкина: «...харчевня, кнут, острог»). Отрывок «[Вдали тех пропастей глубоких]...», как установлено исследователями, восходит к нескольким эпизодам из поэм Вольтера и Ж.-Б. Руссо («Орлеанская девственница» и «Кривошея») и к роману Ф.-М. Клингера «Фауст, его жизнь, деяния и низвержение в ад»; а замысел «Влюбленного беса» связывается (хотя и в самых общих сюжетных чертах) с повестью Ж. Казота «Le diable amoureux», которая была в библиотеке Пушкина, и, вероятно, с европейской фаустианой. Кажется, именно много- и разнообразие этих установленных источников мешало увидеть сходство между замыслами. На него, насколько нам известно, ранее не обращали внимания, что можно объяснить разнородностью контекстов, в которые помещались пушкинские замыслы: «Влюбленный бес» и «адская поэма» — фантастика, Гофман, Гете и т. д.; «Братья разбойники» — «разбойничьи» песни, вообще фольклор, Байрон и его поэмы. Как мы старались показать, прямое сопоставление планов и набросков вне их литературной генеалогии выявляет ряд сходных сюжетных мотивов и компонентов. Обнаружение «общего знаменателя» в столь гетерогенных замыслах указывает на собственно пушкинское начало или творческую волю, благодаря которым разнообразные «влияния» и «заимствования» трансформируются в личное, авторское. И, как нам представляется, на это «собственно пушкинское» стоит обратить внимание, потому что в работах последнего времени произведения Пушкина нередко предстают суммой чужих слагаемых.

Кроме того, сопоставление нереализованных планов дополняет представления о пушкинском творческом процессе. На наш взгляд, можно со-

гласиться с предположением А. С. Осповата, что в пушкинском воображении существовал некий «конгломерат замыслов общего происхождения». Внутри конгломерата персонажные или сюжетные схемы могли укладываться в разные тематические или жанровые рамки. Схемы эти оставались актуальными, т. е. способными к потенциальной реализации, достаточно долго, если вспомнить, например, число параллелей к сюжету «Влюбленного беса», отмеченных разными исследователями (основной список см. в [Кардаш 2009а: 264–265]); ср. также сюжет об ожившей статуе. Более поздняя датировка плана «Влюбленного беса» и устный рассказ о нем Пушкина, на наш взгляд, свидетельствуют о том же.

Поэтому заключение А. С. Зингера, что «ни одно из произведений, написанных рукой Пушкина, не совпадает ни полностью, ни хотя бы значительной своей частью с планом “Влюбленного беса”» [Зингер 1979: 204], кажется, подлежит определенному уточнению. С планом «Влюбленного беса» в значительной части совпадает не произведение, написанное рукой Пушкина, но другой написанный им план, — правда, тоже нереализованный.

Литература

Алексеев 1979: Алексеев М. П. Незамеченный фольклорный мотив в черновом наброске Пушкина // Пушкин. Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. Т. IX. С. 17–68.

Виноградов 1982: Виноградов В. В. Сюжет о влюбленном бесе в творчестве Пушкина и в повести Тита Космократа (В. П. Титова) «Уединенный домик на Васильевском» // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1982. Т. X. С. 121–146.

Гофман 1928: Гофман М. А. Пушкин: Психология творчества. Париж [б. и.], 1928.

Зингер 1979: Зингер Л. Судьба одного устного рассказа // Вопросы литературы. 1979. № 4. С. 202–228.

Кардаш 2009а: Кардаш Е. В. «Влюбленный бес» (1821–1828) // Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. I: А–Д. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 263–269.

Кардаш 2009б: Кардаш Е. В. Повесть В. П. Титова «Уединенный домик на Васильевском» // Пушкин и его современники: Сборник научных трудов / РАН, ИРЛИ. Под ред. Е. О. Ларионовой, О. С. Муравьевой. СПб.: Нестор-История, 2009. Вып. 5 (44). С. 373–390.

Китанина 2009: Китанина Т. А. «Вадим» (1820–1822) // Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. I: А–Д. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 235–243.

- Левкович 1974: *Левкович Я. Л.* наброски послания о продолжении «Евгения Онегина» // Стихотворения Пушкина 1820–1830-х годов: История создания и идейно-художественная проблематика. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974.
- Летопись 1999: Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. / Изд. подгот. под рук. Н. А. Тарховой. М.: СЛОВО/SLOVO, 1999.
- Лобанова 1993: *Лобанова А. С.* «Вечерня отошла давно...» // Незавершенные произведения Пушкина: Материалы научной конференции. М., 1993. С. 12–23.
- Лотман 1995: *Лотман Ю. М.* «Задумчивый вампир» и «Влюбленный бес» // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб.: Искусство-СПБ, 1995. С. 346–350.
- Осват 1986: *Осват Л. С.* «Влюбленный бес»: Замысел и его трансформация в творчестве Пушкина 1821–1831 гг. // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. Т. 12. С. 175–199.
- Письма 1926: *Пушкин А. С.* Письма: В 3 т. / Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926–1935. (Тр. Пушкин. Дома АН СССР).
- Проскурин, Охотин 2007: *Проскурин О. А., при участии Н. Г. Охотина.* «Бахчисарайский фонтан»: [Комментарий] // Пушкин А. С. Сочинения: Комментированное издание / Под общ. ред. Дэвида М. Бетеа. Вып. 1: Поэмы и повести. Ч. I. М.: Новое изд-во, 2007. С. 251–363.
- Проскурин 1999: *Проскурин О. А.* Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. М.: Новое литературное обозрение, 1999.
- Пушкин 1937–1959: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959.
- Рак 2009: *Рак В. Д.* «[Вдали тех пропастей глубоких]...» (1821) // Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. I: А–Д. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 248–251.
- Смирнов 1979: *Смирнов И. П.* «Уединенный домик на Васильевском» и «Повесть о Савве Грудцыне» // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. Т. 9. С. 207–214.
- Степанищева 2008: *Степанищева Т.* К творческой истории поэмы Пушкина «Братья разбойники»: замысел и статус текста // *Natales grate numeras?* Сборник статей к 60-летию Георгия Ахилловича Левинтона. СПб.: ЕУСПресс, 2008. С. 516–527. (*Studia ethnologica*. 6).
- Степанищева 2012: *Степанищева Т.* К истории создания «Братьев разбойников»: в чем Пушкин «сошелся нечаянно» с Жуковским? // История литературы. Поэтика. Кино. Сборник в честь Мариэтты Омаровны Чудаковой. Москва: Новое издательство. С. 412–421. (Новые материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. 9).
- Степанищева 2014: *Степанищева Т.* К истории пушкинских «Братьев разбойников»: ранняя рецепция поэмы // Лотмановский сборник. IV. М.: ОГИ, 2014. С. 188–200.
- Фомичев 1996а: *Фомичев С. А.* К творческой истории пушкинской поэмы о разбойниках // Литературоведение и литературоведы: Сборник научных трудов к семидесятипятилетию Георгия Васильевича Краснова. Коломна, 1996.

Фомичев 1996б: *Фомичев С. А.* «На тихих берегах Москвы...» // *Неизданный Пушкин: Из подготовительных материалов к новому академическому Полному собранию сочинений А. С. Пушкина. Вып. 1: Фомичев С. А. Новые тексты стихотворений А. С. Пушкина.* СПб.: Нотабене, 1996. С. 42–45.

Цявловская 1960: *Цявловская Т. Г.* «Влюбленный бес»: (Неосуществленный замысел Пушкина) // *Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом).* М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 3. С. 101–130.

Эткинд 1963: *Эткинд Е. Г.* *Поэзия и перевод.* М.; Л.: Сов. писатель, 1963.